

Хэ Сюэчжэнь медленно открыл глаза, со вздохом выпустив струйку белого пара.

Увидев, что Чжао Чжэньчжэнь стоит перед ним на коленях, бледная от волнения, он поспешил успокоить мать:

— Матушка, со мной уже всё в порядке.

Опираясь на её руку, он поднялся на ноги и посмотрел на Сыту Ни:

— Возвращаемся.

Чжао Чжэньчжэнь призвала свой Лотосовый трон и увлекла сына за собой. Сыту Ни поднялся на меч, и они втроем полетели в сторону военного лагеря. За всё это время Хэ Сюэчжэнь ни разу не взглянул на Цуй Чжи.

Цуй Чжи закрыл лицо руками. Рыдания, похожие на тоскливый вой раненого зверя, эхом разнеслись над безмолвной снежной пустошью.

Вернувшись в военный лагерь и убедившись, что его тело в порядке, Хэ Сюэчжэнь высвободил душу Сыту Цинхуаня.

Однако призрак казался лишь пустой оболочкой. Взгляд его оставался безжизненным и застывшим; как бы отчаянно ни звал его Сыту Ни, тот не подавал ни единого признака жизни.

— Что с ним? Он... он поправится? — на лице Сыту Ни отразилось горькое раскаяние. — Цуй Чжи безумен, мне не следовало злить его. Это всё из-за меня...

— Нет, в конечном счете вина лежит на мне, — возразил Хэ Сюэчжэнь, глядя на бесплотный дух Сыту Цинхуаня. — Возьми себя в руки. У нас ещё осталась надежда.

— Какая?

— Искусство литья мечей твоей семьи.

Тем временем Сыту Хэншань и Чжао Доучун обходили поле битвы.

Сыту Хэншань шел понурившись, так и пыша досадой. Чжао Доучун смерил его сердитым взглядом:

— Тебе уже не первая сотня лет пошла, к чему эта мелочность? Да и негоже винить Чжэнь-эра в неверном решении. Избавившись от Хэ Чуншаня, мы принесли покой в Поднебесную. Это великое свершение, ради которого мальчик пожертвовал личным благом.

Сыту Хэншань ворчал без умолку всю дорогу, никак не желая смириться с тем, что Хэ Сюэчжэнь пообещал звание верховного старейшины тому, кто принесет голову Хэ Чуншаня.

— Когда мы преследовали Хэ Чуншаня, этот Янь Чуаньинь намеренно толкнул меня под локоть! — продолжал изливать желчь Сыту Хэншань. — Иначе я бы нагнал его первым. Уверен, он сделал это нарочно!

— Да замолчи ты наконец, — отмахнулся потерявший терпение Чжао Доучун. — Всю плешь проел этой чепухой.

— Но ведь Янь Чуаньинь уже отправился к Стеле Небесного Дао за наградой! А ведь наша семья Сыту ради этого пожертвовала древним Мечом из чистейшего темного железа! И всё досталось этому проходимцу!

Завершив дозор у границ Демонических земель, они вернулись к остальным заклинателям. На поле боя собрались почти все предводители орденов, за исключением дворцового владыки Яня. Хэ Чуншань был мертв, а лучшие воины Лин Сюэси полегли в бою. Лишившись сил, демоны были вынуждены отступать, сжимая кольцо обороны. В этой затяжной войне между бессмертными и демонами наконец забрезжил рассвет долгожданной победы.

Среди выживших царило оживление. Кто-то бурно радовался триумфу, кто-то хранил благородное спокойствие, а кто-то уже прикидывал выгоду:

— Похоже, в этой войне главным победителем вышел владыка Янь.

— Он ведь отправился к Стеле Небесного Дао? Прошло уже несколько часов, пора бы ему и вернуться.

Легок на помине: в вышине показалась фигура дворцового владыки Яня. Вопреки обыкновению, он пренебрег своим роскошным летающим артефактом и летел на обычном мече, выглядя при этом на редкость унылым и озабоченным.

Собратья по оружию поспешили ему навстречу:

— Владыка Янь! Или теперь вас следует величать старейшиной Янем?

— Стела Небесного Дао дала сбой, — угрюмо отозвался тот. — Ни артефакта, ни звания старейшины мне не досталось. Так что рановато поздравляете.

Эти слова мгновенно разожгли любопытство толпы, посыпались удивленные вопросы. Сыту Хэншань, прислушивавшийся к разговору, внезапно изменился в лице:

— Вот же проныра! Хэ Чуншань всё еще жив, нас провели!

Слова старейшины вызвали общий переполох, и Сыту Хэншань поспешил объяснить:

— Фань Сюэпинь владеет тайной техникой Марионетки-Двойника, я сам видел ее в действии. Созданный им фантом ничем не отличается от оригинала, его невозможно распознать даже с помощью духовного чутья. Выходит, владыка Янь сразил лишь подставную куклу?!

Его догадка была точно в цель. В этот момент со стороны лагеря стремительно приблизились две фигуры. Сыту Ни едва ли не кубарем скатился со своего меча у ног патриарха и умоляюще воскликнул:

— Дедушка! Прошу, одолжи мне одну вещь!

Появившийся следом Хэ Сюэчжэнь вежливо обратился к главе клана:

— Старейшина, я слышал, у семьи Сыту хранится Меч из чистейшего темного железа. Не могли бы вы одолжить его мне?

Сыту Хэншань не слишком жаловал Сыту Ни, но к Хэ Сюэчжэню относился с глубоким уважением. Раз уж юноша просил сам, он не стал бы скупиться, однако:

— Увы, этот меч пошел в залог указа Небесного Дао о преследовании и сейчас находится на Стеле.

Дворцовый владыка Янь вздохнул:

— Какая жалость, что мерзавцу Хэ Чуншаню удалось ускользнуть! Будь он мертв, я бы без колебаний отдал Чжэнь-эру не то что этот клинок — любые сокровища со Стелы Небесного Дао!

Хэ Сюэчжэнь на мгновение задумался, а затем обернулся к Сыту Ни:

— Мы летим к Стеле Небесного Дао.

Не теряя времени, они поднялись в воздух и растаяли в вышине. Сыту Хэншань лишь озадаченно покачал головой:

— Глупые дети, к чему эта спешка? Им ведь никто ничего не отдаст.

Хотя основные силы врага отступили, битва еще не была окончена. Чжао Доучун, беспокоясь за безопасность внука, поспешил следом за ними. В душе же владыки Яня шевельнулось недоброе предчувствие.

— Идемте и мы, — предложил он остальным. — Нужно проверить, что там стряслось.

Стела Небесного Дао высилась в Срединных землях. Даже на предельной скорости заклинатели добрались туда лишь глубокой ночью.

Еще издали в ночной мгле показался исполинский шпиль, уходящий в самые облака. Вокруг него мерцали бесчисленные кольца разноцветных огней — то были артефакты и сокровища, оставленные в залог бессмертными, взывавшими к Стеле Небесного Дао за помощью.

Когда-то давно супруги Фань тоже приходили к этому священному месту в поисках правосудия. Но они даже не знали, кто именно вырезал их клан, и Стела Небесного Дао осталась глуха к их безмолвному горю.

У самой вершины сооружения ярче прочих сияло кольцо чистого, слепящего света. В его центре парил великолепный клинок, испускающий темное холодное сияние — тот самый Меч из чистейшего темного железа, который так нужен был Хэ Сюэчжэню.

Юноша подошел к подножию и прижал ладонь к гладкому камню. В ту же секунду исполинский монумент содрогнулся, озаряясь величественным сиянием. Световое кольцо на вершине бешено завертелось, а затем рассыпалось мириадами искр, напоминающих праздничный фейерверк, и плавно опустилось к ногам Хэ Сюэчжэня.

Небеса признали его победу — задание указа было официально завершено.

Владыка Янь онемел от потрясения. Чжао Доучун тоже не верил своим глазам:

— Чжэнь-эр, но когда ты успел покончить с Хэ Чуншанем?

Хэ Сюэчжэнь ненадолго задумался.

— Полагаю, он умер от злости из-за моих слов.

И это не было шуткой. Хотя Фань Сюэпинь выпил духовные силы своего наставника с помощью демонического искусства, Хэ Чуншань всё еще оставался жив, пусть и находился на пороге смерти. Его сердце окончательно остановилось именно тогда, когда он услышал безжалостные слова Хэ Сюэчжэня.

Владыка Янь покачнулся и отступил на шаг назад. Его лицо побелело, а руки мелко задрожали:

— Умер от злости?.. Да как такое возможно?! Когда ты вообще его настиг? Почему никто из нас ничего не видел?!

— Пока вы преследовали его двойника, я заметил, что настоящий Хэ Чуншань пытается скрыться в противоположной стороне, и пошел по его следу, — спокойно ответил Хэ Сюэчжэнь.

Сыту Хэншань громогласно расхохотался:

— Да какая разница! Этот предатель заслужил самую позорную смерть. Сюэчжэнь — истинная гордость нашего рода! Одолел зверя, даже не обнажив меча! Блестящая победа!

Остальные заклинатели тут же поспешили выразить свое одобрение:

— Воистину, юный герой! Теперь, когда с Хэ Чуншанем покончено, наш мир наконец может вздохнуть спокойно!

Чжао Доучун довольно заулыбался, с гордостью поглаживая длинную бороду:

— А как иначе? Сразу видно, чья кровь течет в его жилах!

Хэ Сюэчжэнь бережно убрал парящие артефакты в свой пространственный мешочек, оставив в руках лишь Меч из чистейшего темного железа. Осмотрев его холодное лезвие, он повернулся к главе клана Сыту:

— Дедушка, мне понадобится семейная кузня Сыту. Я хочу воспользоваться вашим горном для переплавки.

Пока Хэ Сюэчжэнь готовился к ритуалу перековки, Сыту Ни немного пришел в себя и поведал патриарху о трагической гибели своего духа меча от рук Цуй Чжи. Вражда между их кланом и бывшим наследным принцем вспыхнула с новой, разрушительной силой. Разъяренный Сыту Хэншань лично возглавил поиски негодяя, но Цуй Чжи словно сквозь землю провалился. Поскольку война с демонами еще не была завершена, старейшине пришлось на время затаить

мечь.

Перековка завершилась успешно. Теперь требовалось выждать ровно семьдесят один день, чтобы клинок закалился и впитал в себя духовную энергию — лишь тогда душа Сыту Цинхуаня могла возродиться вновь.

Сыту Ни буквально считал часы, не отходя от кузнечного горна. Когда срок истек, Хэ Сюэчжэнь извлек обновленный меч и передал его другу:

— Призывай его.

Сделав глубокий вдох, Сыту Ни полоснул по ладони и окропил лезвие кровью, признавая оружие своим. Клинок вспыхнул ослепительным светом, источая тонкие нити чистой ци, которые медленно соткались в полупрозрачный силуэт.

Черты его лица обрели четкость — это был он.

— Цинхуань! — Сыту Ни рванулся вперед и крепко сжал его в объятиях.

Однако призрак мягко отстранился и склонился в вежливом поклоне.

— Цинхуань... Так зовут вашего слугу? Премного благодарен хозяину за дарованное имя.

Сыту Ни застыл в оцепенении, а затем медленно повернул бледное лицо к Хэ Сюэчжэню.

Сыту Цинхуань обрел голос, но полностью забыл прошлое.

Сыту Ни перепробовал всё, пытаясь пробудить в нем хоть каплю прежних чувств, но тщетно. Дух меча не помнил их общего детства, не помнил той глубокой, нежной привязанности, что связывала их долгие годы. Возможно, во времяковки произошёл скрытый изъян, но новый Сыту Цинхуань казался лишенным всяких человеческих эмоций. Он вел себя безукоризненно вежливо, строго соблюдая дистанцию между слугой и господином.

Хэ Сюэчжэнь был бессилен помочь другу, и ему оставалось лишь с тревогой наблюдать, как Сыту Ни увядает на глазах.

В один из дней Сыту Ни неожиданно пришел к нему. Его глаза лихорадочно блестели:

— Сюэчжэнь, я хочу ребенка.

— Что? — изумился тот.

— Мы с Цинхуанем когда-то мечтали о дитя. Мы хотели продолжить наш род, но смерть разлучила нас прежде, чем мы успели это сделать. Теперь, когда он вернулся, я не желаю больше ждать ни дня. Что скажешь?

Хэ Сюэчжэнь не стал возражать, однако нездоровая одержимость друга внушала ему серьезные опасения. Казалось, тот балансирует на грани безумия.

Для Сыту Ни эта безумная затея стала спасительной соломинкой. Собрав их с Цинхуанем кровь из самого сердца, он поместил ее в собственное духовное море — в свой золотой дворец, — бережно взращивая плод при помощи собственной ци. С каждым днем он таял на глазах, становясь бледным и призрачным, но его дух пребывал в странном, лихорадочном возбуждении.

Хэ Сюэчжэнь лишь тихо вздыхал, не зная, как облегчить его участь. Он никогда не умел находить нужные слова утешения, а потому просто старался облегчить физические страдания друга, делясь духовными силами и целебными снадобьями.

Таинство сотворения новой жизни и для двоих заклинателей было тяжелым испытанием, для одного же оно граничило с самоубийством. К исходу третьего месяца Сыту Ни окончательно слег. Его совершенствование стремительно угасало, а сознание возвращалось к нему лишь на несколько часов в сутки.

Старейшины клана Сыту знали о скором прибавлении, однако они и помыслить не могли, что юноша несет эту ношу в одиночку, полагая, что Хэ Сюэчжэнь делит с ним тяготы. Навестившая больного Чжао Чжэньчжэнь пришла в ужас от его изможденного вида. По ее просьбе Чжао Доучун приготовил редкое укрепляющее снадобье, и только тогда Сыту Ни пошел на поправку.

Хэ Сюэчжэнь в последнее время находился в самом центре внимания всего мира совершенствования — его высокое положение, непревзойденная красота и доблесть притягивали всеобщие взоры. Неудивительно, что весть о скором рождении их общего с Сыту Ни наследника мгновенно облетела все орден и секты.

Великая война подходила к концу. Потерпев сокрушительное поражение, Лин Сюэси запечатал проходы в Демонические земли, стремясь выиграть время и восстановить силы.

И вот в один из дней на самой границе заблокированного рубежа пространство исказилось судорожной судорогой. Ослепительный росчерк меча буквально распорол саму ткань мироздания, и из зияющей пустоты ступила фигура человека. С его одежды капала свежая кровь, длинные волосы подернулись мертвенно-серой сединой, а на бледном лице застыла пугающая смесь безумия и восторга.

Он силой прорвался сквозь барьер, разделяющий миры бессмертных и демонов. Несколько преследователей-демонов, бросившихся за ним вдогонку, обратились в пыль от одного небрежного взмаха его руки. Пространственный разлом за его спиной со свистом затянулся.

Это был Цуй Чжи. Он провел долгие мучительные месяцы в самом сердце Демонических земель, одержимый единственной целью — отыскать способ избавить Хэ Сюэчжэня от ядовитой скверны. И теперь, когда заветное средство было у него в руках, он спешил к возлюбленному.

Смыв с себя следы жестоких сражений и переодевшись в чистые одежды, он взглянул в зеркало и замер. Его когда-то темные волосы полностью поседели, став пепельно-серыми. Лицо оставалось прежним — молодым и хищно-красивым, но в глазах застыла мертвенная, беспросветная тоска.

Он отрешенно перебрал пальцами сухие, лишенные цвета пряди.

В его памяти до сих пор были живы картины из их прошлой жизни. В те первые дни, когда они только стали спутниками на пути совершенствования, Хэ Сюэчжэнь каждое утро заплетал ему волосы и поправлял заколку. Его пальцы поначалу действовали неловко, но взгляд лучился такой нежностью и сосредоточенностью, что Цуй Чжи не смел возражать. Он искренне не понимал, зачем тратить время на то, что можно сделать одним щелчком пальцев, но безмолвно позволял этой утренней традиции повторяться вновь и вновь.

Но сам он ни разу не расчесал прядей своего супруга и не заколот его венец.

Ему вспонилось, как однажды после разделенной близости он прикрыл глаза, погружаясь в легкую дремоту. Почувствовав чужое дыхание совсем близко, он разомкнул веки и застал Хэ Сюэчжэня за тем, как тот бережно прижимал его прядь к своим губам. Пойманный с поличным, юноша тогда вспыхнул до самых ушей.

От этого воспоминания сердце пронзила острая, невыносимая боль. Он медленно поднес собственную серебряную прядь к губам. Кожа ощутила лишь холодный шелк волос. Отчего же тогда, в прошлом, лицо его возлюбленного светилось такой безграничной нежностью?

Цуй Чжи закрыл глаза, пытаясь представить, что касается губами темных, как вороново крыло, волос Хэ Сюэчжэня. В этот миг в его опустошенной душе робко шевельнулось то самое тепло, истинную суть которого он осознал слишком поздно.

Тишину безлюдной пустоши нарушил свист рассекаемого воздуха. Прямо над его головой на мечях пролетели двое заклинателей. Их голоса отчетливо донеслись до земли:

— Надо же, старейшина Хэ и этот юнец из семьи Сыту... Они ведь так молоды, а уже ждут ребенка. Поверить трудно.

— В любви нет места сомнениям. Плод союза — естественный венец их чувств.

"Ребенок?"

Цуй Чжи открыл глаза.

<http://bllate.org/book/18268/1750914>